

Дмитрий Сичинава

Плюсквамперфект(ум): лингвистический термин в ненаучном контексте и типологические данные

Грамматический термин *плюсквамперфект(ум)* (< лат. plus quam perfectum, букв. «более, чем совершенное [действие]»), обозначающий одно из глагольных времен различных языков мира, в XX в. получил необычно широкое распространение в метафорическом употреблении, в том числе как публицистически-философский и художественный образ (в контекстах типа *это уже плюсквамперфект, перенестись в плюсквамперфект, очарование плюсквамперфекта*). В свете информации, известной благодаря типологическому изучению плюсквамперфекта в языках мира, употребление данного термина в ненаучном контексте представляет особый интерес.

1. «Школьный», «научный» и «метафорический» облики плюсквамперфект(ум)а

Изначально в русском языковом контексте термин *плюсквамперфект* был применим к достаточно узкой сфере, а именно к грамматике классических языков (латыни и древнегреческого), первоначально, как и другие грамматические термины, без русификации окончания (латиницей *plusquamperfectum* или кириллицей *плюсквамперфектум*). Сфера изучения древних языков после 1917 г. резко сократилась, и соответствующая латин-

Дмитрий Владимирович Сичинава
Институт русского языка
им. В.В. Виноградова РАН,
Москва
mitrius@gmail.com

ская терминология, постоянно мелькавшая в гимназическом или ином контексте в русской литературе предреволюционных десятилетий, заняла место на далекой периферии, среди узкоспециализированной лексики. Специалисты-филологи с XIX в. применяли в русских текстах термин *plusquamperfectum* / *плюсквамперфект(ум)* и к другим древним и новым языкам мира, однако это употребление изначально оставалось достоянием только профессиональной среды. Из распространенных в российском, в том числе советском, школьном или вузовском преподавании живых языков это слово может ассоциироваться с немецкой формой *Plusquamperfekt* (но не с английским *Past perfect* или французским *plus-que-parfait*, которые называются в школе так, как в самих этих языках).

Казалось бы, данное слово не должно было относиться к числу сравнительно широко известных или тем более способных к нетерминологическому осмыслению: оно должно было ограничиться весьма специфическим «школьным» употреблением (в основном у изучающих немецкий) и еще более специфическим «научным» употреблением (в специальных работах, описывающих грамматику древних и новых языков мира). И тем не менее, как мы уже сказали, слово *плюсквамперфект(ум)* начинает использоваться в большом числе художественных произведений, эссе и публицистических сочинений XX–XXI вв., переосмысляясь как философское понятие, не привязанное к лингвистическому объекту вообще (и тем более конкретно к латинскому или немецкому языку); оно проникает в этом качестве как в поэзию начала XXI в., так и в ориентированный на массового читателя детектив. Часто это переосмысление сопровождается более или менее подробным авторским метакомментарием, вплоть до того, что слову *плюсквамперфект(ум)* посвящается весь текст (см. раздел 3). Уже в 1989 г. переносное значение слова *плюсквамперфектум* заметила лингвистика: это слово наряду с другими научными терминами, развивающими метафорические значения (*гравитация*, *мезозой* и др.), приводится в работе [Харченко 1989: 23]. Назовем этот третий круг (в отличие от «школьного» и «научного») «**метафорическим**» употреблением.

Ничего подобного по масштабу не происходит с другими латинскими грамматическими терминами классической традиции — допустим, *аблативом*, *конъюнктивом* — или хотя бы с ближайшими «родственниками» нашего термина — *перфектом* и *имперфектом*. «Семинарская» этимология *ерунда* < *gerundium* / *герундий*, несмотря на ее популярность (она принята в словаре Фасмера), подвергалась критике [Черных 1993, I: 286–287], но если она и верна, то грамматическое содержание латинского термина никак в русском слове не отразилось. Лю-

бопытно, что из классического наследия определенную самостоятельную метафорическую жизнь обрел сам греческий термин *метафора*, связанный не только с лингвистикой как таковой, но и с теорией литературы; речь идет о контекстах типа *рай* — это не метафора (ср. недавнее корпусное исследование [Кураш 2012]). Более привычная славянизированная терминология тоже с трудом поддается такому осмыслению: отметим разве что конструкции типа *история не терпит сослагательного наклонения*.

По-видимому, здесь сыграли роль внешние характеристики латинского термина, длинного и с необычными сочетаниями согласных, его яркая «ученая» окраска. С этой точки зрения важно, что метафорический флер и контекст языковой игры вплоть до постсоветского периода сопутствовали только варианту *плюсквамперфектум* с его окончанием *-ум*, укорененным в русской культуре (и нередко высмеиваемым) маркером высокого латинизма, с неустоявшимися родом и типом склонения (то мужской, то средний род, то склоняемое, то несклоняемое), в то время как более прозаический и лучше морфологически освоенный *плюсквамперфект* долго использовался только как научный термин в специальной литературе. Возможны и другие способы формальной языковой игры, например неоднократно отмеченный в текстах каламбур типа *Плюс-к-вам-перфект пришел / и к вам, и к нам* (начало стихотворения Татьяны Нешумовой) [Нешумова 2009].

Разумеется, одной фонетической окраски для такой метафорической популярности недостаточно. Здесь важна сама идея «давнопрошедшего» и/или «предшествования в прошедшем». Прежде чем анализировать примеры из текстов, зададимся вопросом о том, что, собственно, в действительности значит плюсквамперфект в глагольных системах языков мира. В последние десятилетия ему посвящено немало типологических работ. Казалось бы, эти сведения не могут иметь отношения к ассоциативному ряду, которым обрастает книжный термин в русском языке. И вместе с тем, как мы увидим, типологические данные играют важную роль в данном контексте.

2. Плюсквамперфект с типологической точки зрения

В лингвистической типологии плюсквамперфект — устойчиво отмечаемая в различных языках мира видовременная граммема [Dahl 1985], обычно возникающая из сочетания перфекта с показателем прошедшего времени (или так называемого «ретроспективного сдвига»). В языках с «согласованием» и «последовательностью времен» западноевропейского типа

эта форма передает таксисное значение «предшествования в прошедшем», однако типологически наиболее характерно для нее значение «неактуальное прошедшее» («сверхпрошлое»), означающее перенос ситуации в план, не связанный с моментом речи и эксплицитно «разорванный» с ним (см.: [Plungian, Auwera 2006; Сичинава 2007] и др.).

В частности, речь может идти:

- об аннулированном результате (*это окно открывали*);
- прекращенной ситуации (*наша деревня была больше*);
- неактуальном «ностальгическом» опыте (*случалось мне покупать это по две копейки*);
- нереальной упущенной ситуации (*если б молодость знала, если б старость могла*);
- ситуации вежливой просьбы (*я бы хотел попросить вас о помощи*) и т.п.

В русском (литературном) языке плюсквамперфект отсутствует по крайней мере с XVI в., когда формы с согласованным вспомогательным глаголом типа *пошелъ былъ* [Петрухин, Сичинава 2006] были вытеснены сочетанием с частицей типа *пошел было*, сохранившим семантику аннулированного результата / аномального хода ситуации (см. подробнее: [Varensen 1986; Сичинава 2009] и др.). Хотя он сохраняется во многих русских говорах Севера, в украинском и белорусском языках, а также в большинстве других славянских языков, эти факты неизвестны среднему русскоязычному неспециалисту (не говоря уже о том факте, что соответствующие формы могут называться словом *плюсквамперфект*).

В этой связи оказывается очень интересным, что трактовки «плюсквамперфекта» в лингвистической и ненаучной литературе неожиданно переключаются с типологическими данными о плюсквамперфекте и его прагматических функциях в языках мира. Эти данные заведомо неизвестны авторам публицистики и художественных текстов, представляющим себе плюсквамперфект (например, в латыни) как «давнопрошедшее» (классическая школьная традиция) или, гораздо реже, «предшествование в прошедшем» (трактовка, отразившаяся и в некоторых типологических работах XX в., например: [Reichenbach 1947]).

Основными источниками примеров из публицистики, эссеистики и художественной литературы послужили Национальный корпус русского языка, материалы Google Books и тексты различных «толстых» журналов 1990–2010-х гг., электронная версия которых включена в «Журнальный зал» на сайте russia.ru. Подчеркивание в примерах наше.

3. Неактуальное прошедшее

В метафорических употреблениях слова *плюсквамперфект(ум)* частотнее всего трактовка, связывающая его с «замкнутым временным интервалом» в прошедшем (past temporal frame, ср.: [Dahl 1985; Squartini 1999], ср. также типологическую интерпретацию как «сверхпрошлое» и «неактуальное прошедшее»). Подчеркиваются разрыв с планом настоящего, необратимость изменений. Нередка идея «анахронизма», резкой неприемлемости и неуместности в текущей ситуации или, напротив, «но-стальгии» (сожаления об этой необратимости). Обычна сочетаемость слова *плюсквамперфект* со словами, указывающими, где или для кого именно соответствующая ситуация является неактуальной: *моё плюсквамперфектум, это здесь плюсквамперфект, это для них плюсквамперфект* и т.п.

Подобные употребления начинают встречаться в русских текстах первых десятилетий XX в.:

(1) *И когда я как-то напомнил ему ту весну, Барельеф, Милостивого Государя, он сердито мотнул головой и сказал: — А, батенька, все это ерунда и plusquamperfectum!* (Виктор Стражев «Давно-недавно») [Стражев 1909: 101];

продолжают употребляться в языке эмигрантов (не только «внешних», но и «внутренних», таких, как Булгаков или Сигизмунд Кржижановский) и после перерыва, связанного с изменением культурной ситуации в советский период, вновь становятся активными в языке 1960–1980-х гг. (обычно с пояснением термина) и особенно в постсоветское время:

(2) *Про Германа забудьте. Герман — это давно прошедшее прошлое. Плюсквамперфектум. — Хорошо, про Германа постараюсь забыть* (Юрий Трифонов «Бесконечные игры: о спорте, о времени, о себе», время написания 1960-е — 1981) [Трифонов 1989: 173];

(3) *А кроме всего прочего, Древняя Русь для обитателей нашей Российской Федерации — plusquamperfectum, Русь, которую мы потеряли* (Андрей Ранчин «В защиту “сталиниста” Н.К. Гудзия») [Ранчин 2003: 574];

(4) *Те, чья жизнь была сопричастна полувековой истории культуры двух столиц, с горечью назовут десятки имен, щедро одаренных ярким талантом, но потерявшихся в сумерках плюсквамперфекта...* (Зана Плавинская «Отражение») [Плавинская 2003].

В постсоветское время понятие *плюсквамперфект(ум)* становится темой для эссеистики с различного рода философской нагрузкой:

(5) *У меня есть сильное ощущение, что все мы живем внутри глагола прошедшего времени, которое закончилось, но — раньше другого действия* (Илья Фаликов «Плюсквамперфектум») [Фаликов 1999: 102];

(6) *Может быть, разгадка российской истории заключена в слове **плюсквамперфект**. В его отсутствии. <...> Этот грамматический набор или, если угодно, грамматический романтизм дорого обходится носителям языка. Их история никак не становится историей; как упрямая страница в новенькой книге, не переворачивается; рвется в настоящее. Нет на нее, российскую историю, грамматической узды* (Игорь Померанцев «Был помнивши») [Померанцев 1997: 117].

Итак, метафорическое употребление слова *плюсквамперфект* в значении 'неактуальные события давнего временного интервала', 'анахронизм', 'предмет ностальгии' пережило советскую эпоху и предстает в современном языке уже привычным и широко освоенным. Однако у этого термина есть и другие, более редкие метафорические употребления, которые мы ниже также разберем.

4. Временная дистанция

В современных текстах трактовка в русле временной дистанции (иногда с подчеркнутой актуальностью давних событий) проявилась в нескольких примерах, где наш термин всюду эксплицитно «глоссирован» как «давнопрошедшее время»:

(7) *Ну, первая промышленная революция — это понятно, это давно прошедшее, так сказать, **плюсквамперфект**. Конец XVIII — начало XIX века. Символ — паровая машина. Суть — механизация производства. Социальные последствия весьма значительные и общеизвестные* (Игорь Бестужев-Лада «Прогноз на завтра») [Бестужев-Лада 1985: 8];

(8) *Стихи, продиктованные близостью нового тысячелетия (в такие пограничные времена обостряется интерес и тяготение к **плюсквамперфекту**, давнему прошедшему)* (Александр Кушнер «С Гомером долго беседовал ты один...») [Кушнер 2001: 120].

Тем не менее само глоссирование термина как «давно () прошедшее» не исключает именно трактовки неактуальности и анахроничности:

(9) *Но так написать об истории мог лишь человек, живущий в середине века XX-го и прекрасно понимающий, что массоидность тоталитарных режимов этого века — не настоящее, а плюсквамперфект, давно прошедшее, и нет за этим не только будущее, но и права на реинтерпретацию* (Наталья Полтавцева «Исторична ли история?») [Полтавцева 1997: 61].

5. Ирреальные употребления

Интересна трактовка плюсквамперфекта в терминах «возможных миров», широко используемого в лингвистике для объяснения ирреальных употреблений плюсквамперфекта типа *If I had come, I would see that* (ср.: [Dahl 1997; Плунгян 2004] и др.). Применительно к русскому языку (наследующая плюсквамперфекту конструкция с частицей *было*) механизм «возможных миров» использован, например, в работе [Kagan 2011].

(10) *В другом месте романа сказано о вероятности существования сказочных драконов: «Мы имеем дело с областью прошлого, а в “прошлом”, в отличие от “настоящего”, все бывает на правах равно возможного». Одно слово, «плюсквамперфект» (этим грамматическим термином поименованы все главки про Акона, его фабрику и Владиков)* (Александр Гаврилов «Плюс к нам перфект» [Гаврилов 2000: 223].

В нижеследующих примерах плюсквамперфект ассоциируется с «пространством сказки», «игрой воображения», что можно соотнести с широко представленной в языках мира тенденцией развития у плюсквамперфекта ирреальных, пересказывательных значений. Характерно использование в соответствующих контекстах глаголов *перенести*, *перевести*:

(11) *Но игры Анны Андреевны — иные: Нет, ни в шахматы, ни в теннис, / То, во что с тобой играют, / Называют по-другому, / Если нужно называть... Перевести эти игры в плюсквамперфект, приписать их игре воображения не удастся* (Александр Кушнер «Анна Андреевна и Анна Аркадьевна») [Кушнер 2000: 186];

(12) *Еще в 1920-е Бунин перенес эту реальную Россию в пространство сказки, используя плюсквамперфект (рассказ «Косцы»)* (Евгений Пономарев «Россия, растворенная в вечности» [Пономарев 2004: 90].

6. Заключение

Значения и коннотации, в которых метафорически употребляется слово *плюсквамперфект*, демонстрируют нетривиальные схождения с данными грамматической типологии. Они представляют большой интерес как материал для исследования механизмов метафоризации и прагматического осмысления грамматических категорий — как у наивных носителей языков мира, где плюсквамперфект есть, так и у весьма искушенных литераторов, носителей русского языка, где плюсквамперфекта нет. Изученный нами материал, где преобладают интерпретации, связанные с «замкнутыми временными интервалами», как представляется, может служить аргументом в пользу защи-

щаемой Б. Комри [Comrie 1985] и С.Г. Татевосовым [Майсак, Татевосов 2001] точки зрения, согласно которой значения плюсквамперфекта связаны с прагматической импликатурой. Схождения между этими механизмами напоминают, что в каких-то отношениях *minds think alike* вовсе не обязательно *great minds*.

Библиография

- Бестужев-Лада И.* Прогноз на завтра // Студенческий меридиан. 1985. № 9. С. 6–8.
- Гаврилов А.* Плюс к нам перфект [Рец. на: Юрий Малецкий. Проза поэта. Роман-завязка? // Континент. 1999. № 99] // Новый мир. 2000. № 1. С. 220–225 (см. также в «Журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/1/gavril-pr.html>).
- Кураш С.Б.* Фрагмент корпусного исследования концепта «метафора»: метафора и ее антиподы // Компьютерная лингвистика: научное направление и учебная дисциплина. Гомель: ГГУ, 2012. Вып. 2. С. 63–67.
- Кушнер А.* Анна Андреевна и Анна Аркадьевна // Новый мир. 2000. № 2. С. 176–187 (см. также в «Журнальном зале» <http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2000/2/kushner.html>).
- Кушнер А.* «С Гомером долго ты беседовал один...» // Звезда. 2001. № 3. С. 108–121 (см. также в «Журнальном зале» <<http://magazines.russ.ru/zvezda/2001/3/kush.html>>).
- Майсак Т.А., Татевосов С.Г.* Ядерные формы глагольной парадигмы // Багвалинский язык: Грамматика. Тексты. Словари / Ред.-сост. А.Е. Кибрик и др. М.: ИМЛИ РАН; Наследие, 2001. С. 345–366.
- Нешумова Т.* Стишок // Живой журнал Татьяны Нешумовой. Запись от 25 декабря 2009 г. <<http://tafen.livejournal.com/330516.html>>.
- Петрухин П.В., Сичинава Д.В.* «Русский плюсквамперфект» в типологической перспективе // Вереница литер: К 60-летию В.М. Живова. М.: Языки славянской культуры, 2006. С. 193–214.
- Плавинская З.* Отражение // Лебедь: Независимый альманах. 2003, 10 авг. № 336 <<http://lebed.com/2003/art3448.htm>> (см. также на сайте Натальи Лайдинен <<http://www.laidinen.ru/women.php?part=590&letter=%C1&code=3406>>).
- Плунгян В.А.* О контрафактических употреблениях плюсквамперфекта // Исследования по теории грамматики. М.: Гнозис, 2004. Вып. 3: Ирреалис и ирреальность. С. 273–291.
- Полтавцева Н.* Исторична ли история? // Вопросы литературы. 1997, март–апрель. № 2. С. 59–66 (см. также в «Журнальном зале» <<http://magazines.russ.ru/voplit/1997/2/polt.html>>).
- Померанцев И.* Был помнивши // Померанцев И. По шкале Бофорта. СПб.: Атос, 1997. (Urbi: Литературный альманах. Вып. 10). С. 117–118 (см. также на сайте «Вавилон» <<http://www.vavilon.ru/texts/pomer1-39.html>>).

- Пономарев Е.* Россия, растворенная в вечности: жанр житийной биографии в литературе русской эмиграции // Вопросы литературы. 2004. № 1. С. 84–111 (см. также в «Журнальном зале» <<http://magazines.russ.ru/voplit/2004/1/pon6.html>>).
- Ранчин А.М.* В защиту «сталиниста» Н.К. Гудзия, или Какой может и не может быть история древнерусской словесности // Новое литературное обозрение. 2003. № 59. С. 571–589 (см. также в «Журнальном зале» <<http://magazines.russ.ru/nlo/2003/59/ran.html>>).
- Сичинава Д.В.* Два ареала сверхсложных форм в Евразии: славянский плюсквамперфект между Западом и Востоком // Ареальное и генетическое в структуре славянских языков: Мат-лы круглого стола / Сост. П.М. Аркадьев; отв. ред. Вяч. Вс. Иванов. М.: Пробел-2000, 2007. С. 102–130.
- Сичинава Д.В.* Стремиться пресекать на корню: русская конструкция с *было* по корпусным данным // Корпусные исследования по русской грамматике / Ред.-сост. К.Л. Киселева, В.А. Плунгян, Е.В. Рахилина, С.Г. Татевосов. М.: Пробел, 2009. С. 362–396.
- Стражев В.* Давно-недавно // Утренники: Товарищеский сборник: рассказы, фельетоны, стихотворения и пародии. М.: Т-во типо-лит. В. Чичерин, 1909. С. 96–101.
- Трифонов Ю.* Бесконечные игры: Киноповесть, рассказы, очерки. М.: Физкультура и спорт, 1989.
- Фаликов И.* Плюсквамперфектум // Арион. 1999. № 1. С. 99–115 <<http://www.arion.ru/mcontent.php?year=1999&number=24&id=326>>.
- Харченко В.К.* Переносные значения слова. Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1989.
- Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2 т. М.: Рус. яз., 1993. Т. 1.
- Barentsen A.A.* The Use of the Particle БЫЛО in Modern Russian // Dutch Studies in Russian Linguistics. Amsterdam, 1986. Vol. 8. P. 1–68.
- Comrie B.* Tense. Cambridge: CUP, 1985.
- Dahl Ö.* Tense and Aspect Systems. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl Ö.* The Relation Between Past Time Reference and Counterfactuality: A New Look // On Conditionals Again / Eds. A. Athanasiadou, R. Dirven. Amsterdam: Benjamins, 1997. P. 97–114.
- Kagan O.* The Actual World is Abnormal: On the Semantics of the *Bylo* Construction in Russian // Linguistics and Philosophy. 2011. Vol. 34. P. 57–84.
- Plungian V.A., Auwera J. van der.* Towards a Typology of Discontinuous Past Marking // Sprachtypologie und Universalienforschung — Language Typology and Universals. 2006. Vol. 59. No. 4. P. 317–349.
- Reichenbach H.* Elements of Symbolic Logic. N.Y.: McMillan, 1947.
- Squartini M.* On the Semantics of Pluperfect: Evidences from Germanic and Romance // Linguistic Typology. 1999. Vol. 3. P. 51–89.